

А. Г. Рубинштейнъ.

Dekhterova, Sofia Kavos
Софія Кавось-Дехтерева.

A. G. Rubinshtein

А. Г. РУБИНШТЕЙНЪ

БЮГРАФИЧЕСКІИ ОЧЕРКЪ.

1829—1894 г.

и

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЛЕКЦІИ

(курсъ фортепіанной литературы)

1888—1889.

Съ двумя портретами и 35-ю нотными примѣрами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1895

2814

АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

1829—1894 г.

Dieu ne puis,
Roi ne daigne,
Artiste je suis.

А. Г. Рубинштейнъ.

(Напеч. въ альбомѣ М. И. Семевского
Спб. 1888 г.).

I.

Не стало Рубинштейна, не стало цѣлаго музыкальнаго міра... Только теперь, при всей жгучей боли утраты понятно, что это была за личность, что это была за сила... Весь свѣтъ много понесъ отъ этой потери, но для русскихъ она еще громаднѣе. Музыкальное дѣло, какъ школа, обязано у насъ единственно ему своимъ возникновеніемъ и тѣмъ широкимъ развитіемъ, которое оно получило въ столь короткій, сравнительно, срокъ. Одного этого дѣла было бы достаточно для вѣчной славы Рубинштейна. Но это только часть его дѣятельности. Если бы даже удалось перечислить всѣ его заслуги,

останется еще одна, — огромная, хотя она и не поддается узкой, утилитарной оцѣнкѣ. Это то могучее вліяніе личности, которое, какъ лучъ солнца, согрѣваетъ и раститъ все доброе, соприкасающееся съ нимъ, это то незамѣтное близорукому глазу воспитательное и облагораживающее дѣйствіе генія на толпу...

Только прослѣдивъ шагъ за шагомъ жизнь Антона Григорьевича, хотя бы и въ краткой біографіи, можно вызвать и понять образъ этой удивительной личности во всей ея силѣ и простотѣ.

Но прежде, чѣмъ приступать къ этому обзору, необходимо, по моему, указать на то большое вліяніе, которое имѣла на Антона Григорьевича его мать, тѣмъ болѣе, что теперь, когда психологія приняла такое серьезное, научное направленіе, когда всѣмъ извѣстны многія психіатрическія и медицинскія положенія въ ихъ отношеніи къ нашей индивидуальности, совершенно естественно начинать біографію лица съ характеристики его родителей и даже иногда искать объясненія его психологическихъ особенностей въ жизни и привычкахъ его предковъ ¹⁾.

Калерія Христофоровна Рубинштейнъ происходила изъ прусской Силезіи, изъ семейства Левенштейнъ. Женщина рѣдкой энергіи и силы воли, она всецѣло передала эти черты своему сыну. Прожила Калерія Христофоровна до преклоннаго возраста — 86 лѣтъ. У нея было 6 человѣкъ дѣтей. Старшій сынъ Николай умеръ еще ребенкомъ; Іаковъ, медикъ, скончался въ 1865 году.

¹⁾ Ст. напр. „English men of Science“ by Francis Galton. — De Candolle „Histoire des Sciences et des Savants depuis deux siècles“. — Ribot. — „L'Hérédité psychologique“ и друг.

Антонъ Григорьевичъ былъ третьимъ; затѣмъ Николай Григорьевичъ, названный такъ въ память умершаго старшаго брата, основатель консерваторіи въ Москвѣ, извѣстный музыкантъ и благотворитель, умершій въ 1881 году. Дочь — Любовь Григорьевна — красавица, напоминавшая своимъ чуднымъ типомъ Рафаэлевскую мадонну, вышла замужъ за юриста Вейнберга, брата нашего извѣстнаго литератора Петра Исаевича. Софія Григорьевна — самая младшая, осталась дѣвушкой, и на ея долю выпало счастье прожить всю жизнь съ горячо любимой всѣми дѣтьми матерью, которая и скончалась на ея рукахъ въ 1891 году. Послѣдніе годы мать съ дочерью провели въ Одессѣ, всѣми любимыя и почитаемыя. Софія Григорьевна, необыкновенно добрая и отзывчивая, довела альтруизмъ до послѣдняго предѣла, отдавая почти весь свой заработокъ нуждающимся и живя исключительно для несчастныхъ, которыхъ она принимала безъ разбора, если имъ нужны были пріютъ и ласка. Отмѣтимъ въ этой выдающейся добротѣ и благородствѣ наслѣдственно-рельефную черту и Антона Григорьевича. Софія Григорьевна занимается до сихъ поръ уроками пѣнія въ Одессѣ. Эта музыкальность семейства Рубинштейнъ также у нихъ въ роду. Калерія Христофоровна была въ свое время очень хорошей музыкантшей. Она не давала концертовъ, но много занималась музыкой, любила и понимала ее. Когда послѣ смерти мужа, еще молодая и красивая, она осталась безъ всякихъ средствъ и ей предложили объявить банкротство, она наотрѣзъ отказалась отъ этого плана, поступила въ одинъ Московскій пансіонъ преподавательницей музыки и иностранныхъ языковъ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго, не-

утомимаго труда выплатила долгъ до послѣдней копѣйки и выручила имя Рубинштейнъ отъ вавихъ бы то ни было нареканій. Умная, образованная, чутвая ко всему прекрасному, она рано угадала будущность своихъ сыновей и, какъ рассказывала потомъ сама, ужаснулась сверхъестественнымъ способностямъ маленькаго Антона Григорьевича. Боясь не сдѣлать всего для развитія дарованій этого дитяти-генія, Калерія Христофоровна дрожала надъ его занятіями, часто бранила, сердилась на него, чтобы не потерять ни одного листочка изъ его будущихъ лавровъ.

Вліяніе ея личности на Антона Григорьевича несомнѣнно было громадное. Правдивость и искренность составляли главные черты ея характера. Антонъ Григорьевичъ настолько рѣзко унаслѣдовалъ ихъ, что откровенность—и подчасъ рѣзкая,—его мнѣній сдѣлалась общеизвѣстной и даже заслужила ему, отъ ограниченныхъ и пустыхъ враговъ, репутацію грубости. Тѣ, кто понимали А. Г. и всю цѣльность его характера, не могли бы сдѣлаться его врагами.

А. Г. боготворилъ свою мать. По крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, на Пасхѣ, онъ непременно ѣздилъ къ ней въ Одессу. Всю свою холостую жизнь до 1856 года онъ прожилъ вмѣстѣ съ ней. Имѣя на все здравые и опредѣленные взгляды, Калерія Христофоровна не пожелала жить у женатаго сына. Ожидая молодыхъ изъ-за-границы, она приготовила имъ квартиру, позаботилась обо всемъ, до мельчайшихъ подробностей въ ихъ хозяйствѣ, убрала имъ роскошный столъ, на которомъ въ часу ихъ пріѣзда даже шумѣлъ самоваръ, а сама скрылась на другую, заранѣе ею нанятую для

себя квартиру. „Когда сынъ женится,—говорила она, матери нечего больше у него дѣлать“.

Объ отцѣ Рубинштейна, Григоріи Романовичѣ, сохранилось, какъ то очень мало свѣдѣній. Родомъ изъ Бердичева, онъ сперва арендовалъ землю на югѣ въ компаніи со своимъ братомъ и зятемъ. Затѣмъ, переехавъ въ Москву, онъ отдѣлился отъ нихъ и купилъ карандашную и булавочную фабрику. Дѣла фабрики, на которой работало до 70 человѣкъ, шли не особенно хорошо, и Калерій Христофоровнѣ и тутъ пришлось проявить всю свою энергію и предприимчивость. Изъ воспоминаній современниковъ Григорія Романовича видно, что это былъ человѣкъ необыкновенно симпатичной наружности и обращенія, добрый, ласковый, широко гостепріимный, но нѣсколько болѣзненный и слабый¹⁾.

Такимъ образомъ, главные свои таланты и качества, очевидно, А. Г. получилъ отъ матери, и это еще разъ подтверждаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ физиологовъ, что мать имѣетъ преобладающее вліяніе на потомство.

II.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, какъ онъ самъ написалъ въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ, родился въ Бессарабіи 16-го ноября 1829 года, въ небольшомъ селѣ Вихватинецъ, близъ города Дубосары, въ верстахъ 50-ти отъ Балты. Здѣсь, на югѣ, онъ провелъ только свое первое дѣтство. Въ 1835 году его

¹⁾ См. А. Г. Рубинштейнъ. Запѣтки къ его біографіи М. Б. Р.—га. См. въ приложеніи къ „Автобіографіи“ его—2-е изд. „Русской Старины“ 1889 г.

отецъ переѣхалъ по дѣламъ въ Москву, куда и перевезъ свое семейство. Антону Григорьевичу было тогда пять лѣтъ. Черезъ годъ Калерія Христофоровна уже начала учить его музыкѣ и занималась съ нимъ сама около 2 лѣтъ. Она играла съ нимъ Гуммеля, Герца, Мошелеса, Калькбреннера, Черни, Діабелли, Клементи. Въ короткое время А. Г. сдѣлалъ огромные успѣхи; когда пріѣхала въ Москву знакомая Рубинштейнъ В. Б. Грюнбергъ и ея дочь, 10-ти-лѣтняя Юлія, начала давать концерты, Калерія Христофоровна съ еще большимъ увлеченіемъ отнеслась въ таланту сына. Разспросивъ г-жу Грюнбергъ о преподавателяхъ въ Москвѣ, она получила самые лестные отзывы объ А. П. Виллуанѣ, въ которому тотчасъ же и обратилась.

Прослушавъ, какъ 8-лѣтній Рубинштейнъ игралъ этюды Крамера, Виллуанъ былъ пораженъ его игрою и тутъ же предложилъ Калеріи Христофоровнѣ давать уроки ея сыну бесплатно.

Виллуанъ (Villoing) происходилъ отъ французскихъ родителей, но родился въ Москвѣ въ 1804 году и совершенно обрусѣлъ, хотя веселый темпераментъ и большая игривость ума всю жизнь напоминали въ немъ француза. Онъ былъ ученикъ Фильда, его метода считалась новѣйшей и лучшей, и Калерія Христофоровна съ радостью согласилась на его предложеніе. Вызавшись взять на себя дальнѣйшее руководство музыкальнымъ образованіемъ многообѣщавшаго ученика, Виллуанъ съ ревностью принялся за его обученіе. Онъ никогда не переутомлялъ его вниманія, сдерживалъ его увлеченіе музыкой, его природную страсть — слишкомъ сильную любовь къ своему искусству. Обращая главное вни-

маніе на постановку пальцевъ, механизмъ и тонъ, Виллуанъ положилъ прочное основаніе его дальнѣйшему развитію.

Вотъ, что пишетъ самъ Антонъ Григорьевичъ объ этомъ преподавателѣ:

„Восьми лѣтъ началъ я заниматься подъ руководствомъ Виллуана, и тринадцати лѣтъ музыкальное мое образованіе кончилось; повторяю, кромѣ Виллуана у меня уже не было другого учителя. Прежде всего Виллуанъ употребилъ много труда и заботъ, выполнѣ, впрочемъ, успѣшныхъ въ правильной постановкѣ моихъ рукъ; объ этомъ, да о хорошемъ звукѣ онъ весьма заботился. Его музыкальная школа хорошо извѣстна,—это былъ въ то время, безспорно, одинъ изъ лучшихъ, если не самый лучший, профессоръ музыки, но самъ онъ игралъ мало. Ему и никому другому я обязанъ тѣмъ прочнымъ фундаментомъ въ музыкальномъ искусствѣ, съ какового фундамента мнѣ уже было невозможно упасть“ „Виллуанъ скоро такъ сблизился со мною, что былъ для меня болѣе, чѣмъ наставникъ—онъ былъ для меня другомъ, вторымъ отцомъ. Съ того времени, какъ мы переехали на Ордынку, Виллуанъ бывалъ у насъ уже почти ежедневно и въ занятіяхъ со мною былъ неутомимъ; онъ, видимо, находилъ въ этомъ не только для себя отдыхъ, но наслажденіе: то не были уроки—было истинно музыкальное воспитаніе“ ¹⁾.

Можетъ быть, именно этимъ раціональнымъ способомъ занятій Виллуанъ достигъ такъ скоро удивительныхъ результатовъ. 9-ти лѣтъ Антонъ Григорьевичъ уже

¹⁾ См. Автобіографическія Воспоминанія А. Г. Рубинштейна, стр. 10.

выступилъ передъ публикой въ одномъ небольшомъ концертѣ въ Москвѣ. Игралъ онъ въ Петровскомъ паркѣ въ пользу бѣдныхъ города Москвы и, такимъ образомъ, началъ, также какъ и закончилъ свою концертную карьеру—благотворительностью, съ полнымъ правомъ заслуживъ характеристику Гете: „Edel sei der Mensch hilfreich und gut“, какъ говоритъ одинъ изъ его биографовъ ¹⁾.

На этомъ концертѣ Рубинштейнъ игралъ „Allegro“ изъ концерта Гуммеля съ оркестромъ, „Andante“ Тальберга и 4 маленькія вещи Филда, Листа и Гензельта.

Въ небольшомъ еженедѣльномъ журналѣ „Галатея“, издававшемся въ то время въ Москвѣ, упоминается объ этомъ концертѣ. Незвѣстный авторъ высоко превозноситъ малютку-артиста и, удивляясь его вкусу, пониманію, искусству побѣждать трудности, которыя кажутся непреодолимыми для ребенка, онъ смѣло предсказываетъ ему музыкальную знаменитость. Такія рѣшительныя предсказанія рѣдко выпадаютъ на долю начинающихъ, особенно столь юныхъ артистовъ, и по восторженнымъ словамъ „Галатеи“ мы можемъ представить себѣ, до чего, дѣйствительно, поражалъ талантъ крошечнаго піаниста.

Послѣ этого дебюта Рубинштейнъ недолго оставался въ Москвѣ. Въ 1840 году онъ, по желанію матери, отправился вмѣстѣ съ Виллуаномъ за границу, проѣзжая въ почтовой каретѣ ту дорогу, которую впоследствии столько разъ пролеталъ въ журьерскомъ поѣздѣ,—„волнуясь и спѣша“. Прежде всего А. Г. привезли въ Парижъ. Тутъ его должны были опредѣлить въ консерва-

¹⁾ См. „Ein Künstlerleben“ Е. Zabel, Leipzig. 1892: „Благороденъ чеховѣвъ сострадательный и добрый“.

торію. Но это опредѣленіе не состоялось. Являлись всевозможныя препятствія. То находили его слишкомъ малымъ по возрасту, то слишкомъ большихъ музыкальныхъ знаній. Самъ Рубинштейнъ думаетъ, что просто-на-просто Виллуанъ не захотѣлъ уступить своего ученика, хотя бы даже Парижской консерваторіи.

Въ Парижѣ, въ этомъ центрѣ интеллигентной Европы, который французы остроумно называютъ „Le serveau du monde“, молодой артистъ далъ свой первый концертъ внѣ Россіи. Отзывы объ этомъ дебютѣ были самые лестные для Рубинштейна. Auber воскликнулъ, слушая его: „Этотъ ребенокъ играетъ съ пониманіемъ и душой“. Циммерманъ, профессоръ парижской консерваторіи и авторъ „Encyclopédie du Pianiste“ говорилъ о его игрѣ, какъ объ откровеніи. Шопенъ и Листъ пришли въ восторгъ отъ игры мальчика, приняли живѣйшее участіе въ немъ и посовѣтовали ему сдѣлать „tournéе“ по Европѣ. Юный артистъ былъ еще настолько малъ ростомъ, что на одномъ вечерѣ въ салонѣ Герца, Листъ поднималъ его на руки, чтобы собравшееся, горячо аплодировавшее общество, могло видѣть маленькаго виртуоза и сказалъ: „Der wird der Erbe meines Spiels“ ¹⁾.

Принявъ совѣтъ Листа, Виллуанъ повезъ Рубинштейна въ Германію, черезъ Англію, Нидерланды и Швецію; вездѣ мальчикъ не только приводилъ всѣхъ въ восторгъ, но и поражалъ своей игрой.

Лѣтомъ 1841 г. Рубинштейнъ игралъ въ Гагѣ, гдѣ королева Голландіи Анна Павловна очень заинтересовалась имъ и А. Г., по ея желанію, нѣсколько разъ долженъ былъ играть во дворцѣ. Здѣсь его въ первый разъ увидалъ юный

¹⁾ Вотъ наслѣдникъ моей игры.

еще тогда В. К. Константинъ Николаевичъ, путешествовавшій со своимъ наставникомъ Литке, по Европѣ. Великій Князь уже тогда, несмотря на свой юный 14-лѣтній возрастъ, очень интересовался музыкой, что и доказалъ впоследствии своимъ живымъ участіемъ въ дѣлѣ музыкальнаго образованія въ Россіи. — „Въ Лондонѣ, — пишетъ Рубинштейнъ ¹⁾, — я былъ весьма привѣтливо принять молодую и красивою тогда королевою Викторіей, а вслѣдъ за нею и всѣмъ высшимъ обществомъ... 12-лѣтній мальчикъ, я не смущался и среди чопорныхъ миссъ, леди и напыщенныхъ лордовъ, робости у меня вовсе не было. Музыкальная память моя, дѣйствительно, и тогда, и значительно послѣ, до пятидесятилѣтняго возраста была громадна ..“ ²⁾.

Эта первая поѣздка А. Г. въ Англію была отмѣчена Мошелесомъ въ предисловіи къ своему дневнику, изданному его женой, гдѣ онъ говоритъ о „русскомъ мальчикѣ“, у котораго „пальцы легки, какъ перья, хотя сильны, какъ у взрослого мужчины“. М-г Ayrton, выдающійся англійскій критикъ, писалъ тогда же о Рубинштейнѣ, какъ о „мальчикѣ, слишкомъ малаго роста, для своего возраста, слабаго сложенія, исполняющемъ, однако, съ безупречною правильностью ту музыку, въ которой превосходилъ себя Тальбергъ, о которомъ въ шутку говорили, что для подобнаго исполненія знаменитый ар-

¹⁾ См. „Автобіографическія Воспоминанія“ А. Г. Рубинштейна стр. 14.

²⁾ Относительно „музыкальной памяти“ въ ея соотношеніи къ „творчеству“ см. очень любопытный психологическій анализъ въ статьѣ *L. Dauriac*: „Etudes sur la psychologie du musicien — № 3 и № 4 „Revue Philosophique“ Th. Ribot. 1895 г.; особенно въ № 4 (Avril) интересная глава „La mémoire musicale“, гдѣ доказывается положеніе: „La mémoire est la source de l'inspiration“.

тисть былъ вооруженъ пятью пальцами, кромѣ двухъ большихъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ, и что эти пальцы приводились въ движеніе паромъ“¹⁾). Успѣхъ этого концерта, даннаго Рубинштейномъ въ Hanpover-square-gooms, гдѣ самъ Мендельсонъ подвелъ его къ роялю, былъ громаденъ.

Виллуанъ вполнѣ распоряжался юнымъ артистомъ, тогда еще шаловливымъ мальчуганомъ, и держалъ его въ большомъ повиновеніи. Онъ составлялъ его концерты изъ тѣхъ же программъ, которыя исполнялъ Листъ, и въ иныхъ городахъ маленький виртуозъ имѣлъ не меньшій успѣхъ, чѣмъ уже прославленный и начинавшій сѣдѣть виртуозъ. Въ Бреславлѣ онъ исполнилъ свое первое сочиненіе для фортепіано, подъ названіемъ „Undine“. Эта прелестная, мелодичная вещь имѣетъ уже цѣльность и мысль, а тотъ ароматъ молодости, которымъ она пропитана, еще усиливаетъ поэтичность ея впечатлѣнія.

Въ 1842 году Рубинштейнъ игралъ въ Вѣнѣ. Знаменитый критикъ Eduard Hanslick въ своей прекрасной „Geschichte des Konzertwesens in Wien“ приводитъ рецензію Д-ра Беккера объ этомъ концертѣ. „Маленькій Рубинштейнъ—настоящій феноменъ“, говоритъ о немъ музыкальный критикъ и затѣмъ, удивляясь необыкновенной техники, глубокому чувству, ясному пониманію, живости и одухотворенности игры юнаго виртуоза, онъ предсказываетъ ему высокое призваніе въ его искусствѣ. А юмористическій листокъ, „der Humorist, издававшійся тогда въ Вѣнѣ, замѣчаетъ: „Das talentvolle Klaviermännchen wurde vielfach und glänzend ausgezeichnet“.

¹⁾ См. А. Rubinstein, въ англійск. журналѣ „Reviews of Reviews“ 15 Dec. 1894 г. стр. 543.